

ЭКСТРЕМИЗМ И ДОГМАТИЗМ: К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЙ

Жукоцкий Владимир Дмитриевич,
Тюменский государственный университет
(г. Тюмень, Российская Федерация)

Жукоцкая Зинаида Романовна,
БИП – Университет права и социально-информационных технологий,
Могилевский филиал (г. Могилев, Республика Беларусь)

В статье раскрывается сущность экстремизма и догматизма и показано взаимодействие этих двух категорий через призму логики инверсии.

На первый взгляд, понятия экстремизма и догматизма носят антиномический характер, они могут использоваться для противопоставления друг другу и даже быть представленными на некоторой альтернативной основе, многократно усиливаемой с помощью этических категорий добра и зла. На-

пример, говорят, что лучшее средство от экстремизма мысли и действия – это верность традиции, которая, в свою очередь, покоится на незыблемых принципах догматизма. Все это до известной степени так и есть, пока сама традиция и обслуживающая ее догматика не приходят в вопиющее противоречие с новейшими фактами развития общества и культуры. В этой ситуации флюиды добра и зла меняются местами или распределяются едва ли не поровну между антитезами экстремизма и догматизма, лишая последнего былого ареала непогрешимости и, напротив, наполняя первый неожиданным ощущением носителя вселенской правды. Срабатывает логика *инверсии*, понятная с точки зрения социальной психологии, но совершенно неприемлемая, если смотреть на проблему со стороны новейших требований глобализации и универсализации культурно-исторического процесса.

Экстремизм – это свойство неокрепшей новации, слишком хорошо знающей свое право на существование, но сталкивающейся с непроходимым препятствием пребывающего в себе, в своей нарциссической самоуспокоенности, догматизма старого. И тогда, чтобы противостоять силе, инновация вырабатывает собственную инерцию догматического, цель которого упереться в свою истину как абсолютную не только здесь и сейчас, а на все времена. Это, в свою очередь, дает импульс и моральное право на фактическое применение силы.

Стоит задуматься и над такой особенностью догматического, как его генезис, который прямо указывает на былую его молодость, когда трудно было утвердиться в своей правоте без использования экстремистского начала – отвоевания жизненного пространства для своего собственного, индивидуального и неповторимого. Таким образом, мы видим, что догматизм – это бывший экстремизм, укоренившийся в традиции, вставший на ее защиту, набравший вес непререкаемого внешнего авторитета и заменивший практику насилия авторитетом силы и ее олицетворением. Экстремизм начинается с содержательной новации, которая не помещается в старые меха, но призвана к своему воплощению. Вот почему силе догматической инерции порой с настоятельностью противостоит кинетическая энергия экстремизма.

Вообще, можно сказать, что понятия экстремизма и догматизма восходят к поколенческой парадигме *молодости* и *старости*, буйства сил первой и авторитетной немощи второй. Применение этой парадигмы к масштабам культуры и социума открывает ретроспективу социокультурного измерения экстремизма и догматизма как естественных и равновеликих явлений, рисующих картину социокультурной динамики, непрерывного обновления культурных форм или наполнения их новым содержанием. Тем самым понятие экстремизма приближается к более универсальному аналогу *револю-*

ционизма, призванному дать описание и логику инновационного процесса, взятого в его *экстремальной* ситуации.

Из сказанного следует, что в явлении экстремизма существует взаимная ответственность власти и общества или той части общества, как правило, значительной части, которая выступает актуальным носителем инновации. Геном экстремизма, разумеется, с успехом проявляет себя и на стороне власти, так называемой революционной власти, реализующей инновацию, но тогда он находит иное, более благопристойное терминологическое выражение. Например, *преобразование*, реформирование, но уже не методом наскока, а вполне систематически и последовательно, авторитетно и даже назидательно. Тогда *экстремум* прячется в одежды традиционного авторитета власти.

Один из решающих упреков, которые посылает время в адрес революционизма, – это его нетерпимость, желание подстегнуть исторический процесс, ускорить то, что созревает помимо какого-либо внешнего вмешательства. Но где критерий зрелости плода? Как отличить нетерпимость от запоздалости? И может быть, именно запоздалость стимулирует экстремистскую нетерпимость? Во всяком случае, ясно, что одно без другого не существует. Лишь помещая свое сознание в одну точку социального пространства, мы обнаруживаем градус нетерпимости, а, помещая его в другую точку, открываем для себя «примороженную» запоздалость. И только на поверхности совершающегося исторического события мы получаем «среднюю температуру по палате».

Таким образом, на деле мы всегда имеем сложную диалектику экстремального и устоявшегося, крайнего и среднего, жаждущего обновления и выполняющего охранительную функцию. Однако то, что в реальности имеет характер процесса и среднестатистическое выражение, на уровне функционирующего в обществе сознания получает колоссальный разброс оценок и мнений, подверженных жесткой логике инверсионного восприятия событий, когда вместо поиска золотой середины люди начинают мыслить в категориях абсолютного добра и зла.

Все это обращает к необходимости специального анализа инверсионности социокультурного мышления и дополнения его логикой *медиации* или привнесения творческого начала в само восприятие динамики социокультурного процесса.

Прежде всего, следует исходить из того, что ритм человеческой и культурно-исторической жизни не только *задан* предшествующей историей, но и *задается* человеком в процессе его жизнедеятельности. Витальность той или иной национальной культуры, как и конкретной индивидуальности, определяется ее способностью *изменять ритм* в соответствии с усложняю-

щимися процессами жизни. Отсюда необходимость перехода от статичной к динамичной логике культуры, понимание ограниченности логики традиционализма.